

Федор Шакшуев, ординарец героя Калашникова

28 сентября 1943 года – памятный день для солдат 62-й Гвардейской дивизии, в этот день форсировавших Днепр. Один из них – Ф.И. Шакшуев, документ о нем – без всякой правки – давно хочу опубликовать.

Летом 1943 года Шакшуева и других воспитанников Асиновского пехотного училища, в том числе ставших известными после войны – А.И. Алтунина, П.А. Глазырина, Г.А. Моисеева, А.В. Попадейкина, И.П. Чучалина, – направили под Курск в 62-ю Гвардейскую дивизию. Они не успели тогда получить даже ускоренного военного образования. Но в бой этих мальчишек (им было тогда по 17-19 лет), не бросили. Получив пополнение, дивизия готовилась к дальнейшему наступлению. Командование понимало, что «неприступный Восточный вал» и Днепр трупами не завалишь, надо учиться воевать.

А учителя были достойными! В 1938 году любой мальчишка мог рассказать о том, как 6 августа 1938 года у озера Хасан парторг полка лейтенант Мошляк заменил в бою командира батальона и, будучи раненым, водрузил полковое знамя на освобожденной от японцев высоте Заозерной, за что получил Золотую Звезду Героя Советского Союза № 93. «Вот такими мы будем, когда понадобится!» – думали мы, понимая, что понадобится обязательно...

После Хасана долго лечился (он получил тогда еще одно ранение). Окончил академию им. Фрунзе. Командовал полком на параде в Москве 7 ноября 1941 года. Во время трагических событий под Харьковом вместе со своей стрелковой бригадой попал в окружение, но сумел вывести из него часть солдат. В этом же районе в те дни противник окружил и 62-ю Гвардейскую. Она тоже вырвалась из окружения со знаменем, но ее тяжелораненого командира генерал-майора Г.М. Зайцева немцы вяли в плен. Дивизию принял и довел до Вены генерал-майор И.Н. Мошляк.

24 августа она начала продвижение к Днепру, в ночь на 28 сентября захватила плацдарм на правом берегу. Пятнадцать суток гвардейцы отбивали яростные контратаки противника, 15 октября прорвали оборону противника.

Шакшуев был ординарцем командира роты старшего лейтенанта А.П. Калашникова, 26 июня 1941 года окончившего Томский пединститут. Он стал Героем Советского Союза, проявив мужество в том же бою, что и Шакшуев. Когда я стал собирать материалы о Калашникове, началась наша переписка с Федором Ивановичем.

Он родился 14 октября 1925 года в Забайкальской губернии в семье крестьянина. Вдумайтесь: в день ранения ему не было еще и восемнадцати лет! Призыву в первом полугодии 1943 года не подлежал, но в марте 1943 года добровольно пошел в РККА, в Асиновское ВПУ. А в 62-й дивизии он стал самым юным Героем Советского Союза.

– Мы выскочили на косу из песка. Днепр за нами уже кипел от снарядов и мин, трассирующие пули вспенивали воду. Многие лодки и плоты прямым попаданием были перевернуты. Мины зарывались в песок и разбрасывали его. Появились раненые и убитые. Надо было выбить немцев из прибрежной полосы. Завязалась рукопашная схватка. Я бежал вдоль траншеи и строчил из автомата. В противогазной сумке лежали гранаты, в вещмешке – патроны, за поясом – заряженные диски автомата, нагружен был хорошо. Вдруг на меня сверху прыгнул немец, придавил и занес надо мною нож. Я вцепился ему в горло, он одолевал, но за мной бежал мой односельчанин Петр Вертиков. Он с ходу

ударил немца по кумполу, немец обмяк, я вывернулся из-под него и побежал дальше (П.А. Вертиков, призванный Парабельским РВК, погиб в 1944 году в Румынии).

Стало совсем светло. Появилась «рама», пробомбила, затем за нею – «юнкерсы», навстречу вылетели наши «ястребки», завязался воздушный бой. Немцы стали беспорядочно сбрасывать бомбы, а переправа продолжалась.

Слева бил пулемет. Калашников приказал обойти его с тыла и уничтожить. Что и было сделано. Но немцы не успокоились, появились танки, мы отбивались ПТРами и гранатами.

Бой длился до самого вечера, нам удалось занять третью траншею, немцы отошли в село. Мы немного передохнули.

Ночью мы атаковали снова. Куцеволовку взяли, но взвод наш почти весь погиб. 29-30 сентября бой все больше усиливался, немцы усилили атаки, поддерживаемые танками, самолетами. Приходилось драться за каждую хату, за каждый сарайчик. Наши потери росли.

Во время ночной атаки командир роты Калашников отправил меня с донесением. На обратном пути я немного сбился с курса. Слышу сзади: «Хальт!» Бегу вдоль улицы и натываюсь на колонну накрытых брезентом грузовиков. Перескочил через плетень, нырнул в снопы из камышей. А утром обстрел, наши мины рвутся, осколки шелестят по снопам. В кукурузе фашистская техника замаскирована. Есть, пить хочется, а в вещмешке только патроны да гранаты. Дождлся ночи, набрал котелок воды из колодца и обратно. Так наблюдал за немцами двое суток. Затем, где ползком, где перебежками пробрался к своим. Доложил. Через некоторое время место обстреляли «катюши».

Только где-то к 4-5 октября все более или менее стабилизировалось.

Наша оборона проходила вдоль старого мутного ручья, поросшего высокими деревьями, до моста через шоссе. За деревьями – небольшое поле кукурузы, дальше – немцы. В кукурузе, на нейтралке, лежали после отбитой нашей атаки наши убитые, в том числе медсестра.

5 октября я был на КП Калашникова. День выдался теплый, солнечный. Было тихо, только время от времени бил по нашей обороне крупнокалиберный немецкий пулемет. Александр Петрович снял гимнастерку и рубашку, стал загорать, а я наблюдал за немцами в бинокль. Вдруг внизу кто-то застонал. Комроты послал меня узнать, в чем дело. Я пробрался в окопы. Один солдат выполз из окопа, и пулеметной очередью ему перебило ноги. Я доложил командиру, как вдруг завизжали мины, земля вокруг нас вздыбилась. Несколько минут длился этот налет, весь огород вокруг нас был вспахан минами, но ни одна не попала в нашу ячейку.

Когда стемнело, комроты приказал пройти вдоль всей обороны до стыка с соседом, предупредить о готовящейся атаке. Я проскочил через шоссе. Ребята из первой траншеи угостили меня медом, за которым ходили на нейтралку в погреб. Принес командиру роты. Затем он послал меня в штаб батальона за журналом наблюдений. А на обратном пути впереди что-то блеснуло, завизжало, я упал, почувствовал, что у меня перебиты кисти обеих рук, ранен в левую ногу и голову. Рядом были связисты, они перевязали меня, и я пошел на КП роты. Вытащили у меня журнал из-за пояса, а он весь пробит осколками мин.

Комроты отправил меня в медсанбат. Я переправился через Днепр на пароме. Подошел ко мне офицер интендантской службы и протянул котелок с горячим супом-лапшой. Произвел, видно, мой вид на него впечатление: брюки распороты, весь в засохшей крови и бинтах. А я с 27 сентября не видел горячей пищи. Да и сухой-то не было... Отправили меня в госпиталь в Кобеляки. Среди раненых ходил разговор, что где-то в районе Пятихаток наша дивизия попала в окружение, часть погибла, часть вырвалась из окружения, а часть была взята в плен, и немцы всем гвардейцам поотрубили головы. Где-то, видимо, здесь погиб Александр Петрович Калашников.

Естественно, в «Наградном листе» ничего не сказано о дальнейшей судьбе красноармейца Ф. Шакшуева, лишь из материалов о боевом пути 62-й дивизии можно узнать, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1944 года ему присвоено звание Героя Советского Союза. Но в госпиталях указов не читают, не читали их и родители Федора, получившие осенью 1943 года «похоронку» на сына.

А он остался жив, подлечился, врачи вынесли вердикт «не годен к строевой». Но он, прихрамывавший, с больными руками, добился отправки на фронт. Сначала – на курсы поваров, но «на солдатской кухне могут поработать и старички» («в основном я был здоров, только не видел правый глаз, но я стрелял неплохо с левого плеча»).

«В основном здоровому» солдату не удалось вернуться в свою дивизию. Он стал сержантом, командиром отделения автоматчиков, участвовал в операции «Багратион», вновь был ранен, вновь «не годен к строевой», вновь вернулся в строй, был контужен. Последний его бой – штурм Кенигсберга.

После победы его направили лечиться в Крым. В санатории встретил кубанскую казачку Зиночку, медсестру, ставшую его верной спутницей до последнего ее дня.

В 1946 году, через год после демобилизации, Федор узнал, что он – Герой Советского Союза, получил заслуженные им три года назад Золотую Звезду и орден Ленина. Окончил техникум. Более сорока лет работал поваром в столовой завода «Сельхоздеталь» в Симферополе. Отличного мастера своего дела приглашали работать в солидные рестораны, но он каждый раз отвечал: «Я лучше в рабочей столовой останусь. Здесь меня все знают. А если что не так, люди придут прямо ко мне и скажут». За добросовестный труд мастер-инструктор производственного обучения Шакшуев удостоился звания «Заслуженный работник торговли Украинской ССР». В 1958 году вступил в КПСС, избирался членом горкома. Увлекался фотографией. Более двадцати лет пел в хоре ветеранов, с которым объездил чуть ли не весь Советский Союз, но, к сожалению, в Томск и Асино заглянуть не пришлось.

Когда в 2005 году президент Украины В. Ющенко предложил совершить «акт примирения» и усадить за один стол ветеранов Великой Отечественной войны и бандеровцев из ОУН-УПА, встречавших немцев цветами, присягавших на верность Адольфу Гитлеру, воевавших в дивизии СС «Галичина» и в других фашистских частях против советских людей, убивавших с невиданной жестокостью мирных жителей только за то, что они сотрудничали с «москальской» властью, Герой Советского Союза Ф.М. Шакшуев открыто ответил на это предложение: «Ветераны, проливавшие кровь за Родину, никогда с бандеровской нечистью за один стол не сядут. Никакого примирения не будет. Их преступлениям нет срока давности». Это заявление – достойное завершение жизни нашего «асиновца».

Лев Пичурин «Красное знамя», 13.09.2016